

Моек. прехва. - 1996. - 16 апр. - с. 9.

Популярные серии

«Почему все не любят Мережковского?»

До сих пор (за исключением четырехтомника издательства «Правда» еще в коммунистические времена) читающую публику «кормили» в основном выдержками из Мережковского. Пик публикации пришелся на 1991 год - 50-летие со дня смерти Мережковского. В «Книжной палате» вышла книга «Акрополь», в «Советском писателе» - «В тихом омуте», в «Издательстве Ленинградского университета» - «Большая Россия».

Две первые («Акрополь» и «В тихом омуте») разодрали на части книгу «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы», целиком вышедшую впервые в 1897 году. Вторая и третья книги поделили между собой «Грядущего хама». На том и успокоились.

Издатель словно засомневался: печатать дальше или хватит?! В «Цветях мещанства» у Мережковского есть на сей счет такая мысль: «Сомнение во всем - вот последняя мудрость мещанства». При этом необходимо заметить, что мещанство всегда сомневалось в существовании Мережковского. Еще Розанов (певец мещанства) в свое время отмечал: «Мне кажется иногда, что Мережковского нет...».

Мережковского вообще у нас не любят. «Правые» считают его либералом, повинным в «расшатывании основ», «левые» ругают его за возвышение Гитлера. Правда, в случае чего обязательно цитируют и те, и другие. Цитируют «Грядущего хама» и «Свинью Матушку», перенося убийственные образы на личность супротивника. А впрочем, больше сомневаются, кто это, собственно: «Мироправитель Тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам?»

Словом, «миллионам терзаний» отечественной интеллигенции Мережковским в свое время был дан толчок. Чуть раньше его обвиняли в том, что он приписывал Пушкину свои собственные мысли, в том, что написал «Павла I-го», что общался с Пилсудским и Муссолини, наконец, не смогли простить сравнения Гитлера с Жанной д'Арк. «Коллаборационист» Мережковский был всегда под рукой у литературных вышибал.

В издательстве «Республика» впервые в наше время полно и целно изданы две книги - «Л. Толстой и Достоевский» и «Вечные спутники» Мережковского под одной обложкой. Это четвертая книга издательства в серии «Прошлое и настоящее».

Первая работа «Л. Толстой и Достоевский» не просто особенный взгляд на жизнь и творчество «наших великанов», но попытка, изучая Л. Толстого и Достоевского, разгадать «тайну Пушкина», а значит, и тайну исторического пути России, о котором Мережковский, опираясь на мысли Достоевского, замечает, что «и с восточной, и с западной стороны вся дорога пройдена, исторический путь кончен - дальше идти некуда... но когда кончается история, начинается религия. У самого края бездны необходимо и естественно является мысль о крыльях, о полете». Поэтому и Пушкин воспринимается как разрешение всемирных противоречий. Но критики - современники Мережковского - обвиняли последнего в приписывании Пушкину «нищешанских» мыслей. Что ж, об этом можно спорить.

Мережковскому важно расставить не те или иные акценты, ему важно, как он сам признается в предисловии к «Вечным спутникам», «показать за книгой живую душу писателя - своеобразную, единственную, никогда более не повторяющуюся форму бытия». «Величие великих, - утверждал Мережковский, - в том и заключается, что время их не уничтожает, а обновляет: каждый новый век дает им как бы новое тело, новую душу, по образу и подобию своему».

Кто же они - «вечные наши спутники»? Перед нами предстанет галерея миниатюрных портретов великих писателей разных веков и народов. Здесь и Кальдерон, и Сервантес, и Гете, и, конечно же, Достоевский, Тургенев, Пушкин.

Работы Мережковского интересны еще и тем, что он является исследователем субъективного направления, и для него важно проникнуть в личность творца, его субъективное «я», и уже через это выражать свои собственные взгляды на мир, свое «богоподобное» «я». Такой подход несомненно будет интересен всем, кому наскучила собственно научная критика. Не зря Розанов называл Мережковского «комментатором», замечая, что тот свои собственные мысли гораздо лучше выражает, комментируя другого мыслителя или человека.

Розанов называл Мережковского «европейцем». Действительно, Мережковский был, может быть, первым русским писателем «европейского образца», «пленником культуры», знатоком античности, итальянского Возрождения.

Мережковский разграничивал литературу и поэзию, воспринимая поэзию как стихийное явление, а литературу как силу, «движущую целые народы по известному культурному пути». Чтобы ясно показать соотношение поэзии и литературы, он нашел такое сопоставление: «Литература зиждется на стихийных силах поэзии так же, как мировая культура на первобытных силах природы». Отмечая при этом преемственность поэтических явлений, передаваемых из века в век и объединенных великим историческим началом. Отсюда и важный для Мережковского вопрос: хотя в России были истинно великие поэтические явления, но была ли в России истинно великая литература? Отсюда и размышления об одиночестве великих художников, о проблемах великой скуки в России и травле всего талантливого.

Вопрос же: «А русский читатель и сила темная...?» - продолженный во времени, опять возвращает нас к «правым и левым».

В книгу, изданную «Республикой», помимо двух важнейших работ Мережковского, включена также в качестве приложения его статья «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», ставшая наряду со статьей Вольтерского и книгой Минского манифестом раннего русского символизма. Как тут не вспомнить собственно о современной русской литературе?! Поскольку эссеистика Мережковского, и в частности «О причинах упадка...», по настроению, по тону напоминает «завещание»: «русский писатель - русский мученик» или «толпа с особым вкусом умеет хоронить своих литераторов». Оказывается, Мережковский похоронил литературу гораздо раньше, чем начали по ней справлять панихиду у нас... Ни что так не украшает пророка в своем отечестве и не отвращает от него потомков, как сбывшиеся пророчества.

В год 130-летия со дня рождения Мережковского в двух издательствах («Республика», «Искусство») выпускаются его книги. А когда-то еще в той заснеженной, нынче полузабытой России великий Федор Михайлович так отозвался о стихах юного Мережковского: «Слабо... плохо... никуда не годится... чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!». Проводить же в последний путь Дмитрия Сергеевича зимой сорок первого в Париже пришло всего несколько человек...

«Почему все не любят Мережковского?» - спрашивал когда-то А. Блок. А сегодня выясняется, что Мережковского надо не «любить», а читать. Хорошо, что у классиков бывают юбилеи!

ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ,
ИГОРЬ МИХАЙЛОВ.

27